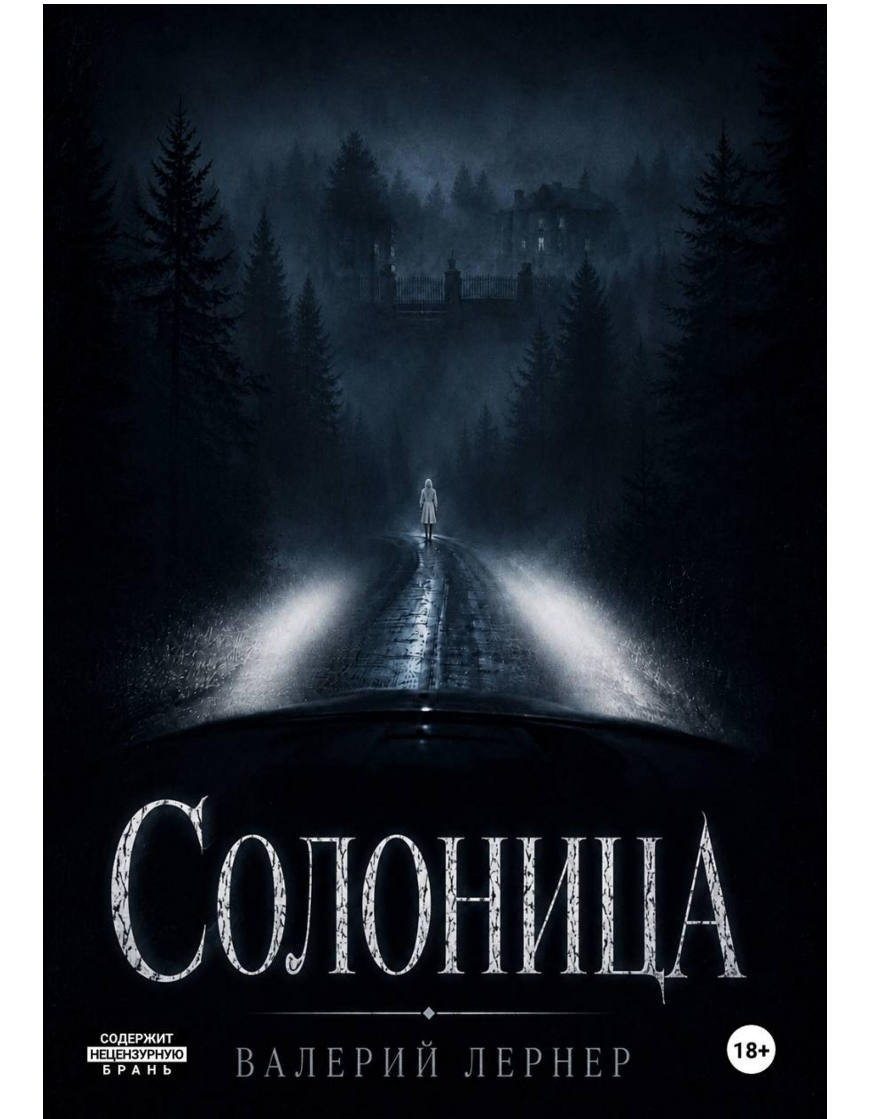

СОЛОНИЦА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ВАЛЕРИЙ ЛЕРНЕР

18+

Валерий Лернер Солоница

<https://litres.ru/74500223>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ночной звонок дочери вырывает героя из сна и ведёт к месту, где привычная реальность начинает расползаться по швам.

Содержание

Глава I	4
Глава II	9
Глава III	15
Глава IV	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Валерий Лернер

Солоница

Глава I

Телефонный звонок вырвал меня из сна.

Я открыл глаза не сразу и ещё несколько секунд лежал в темноте, пытаюсь нащупать телефон на тумбочке. Голова плохо соображала, а мелодия продолжала надрываться совсем рядом.

Наконец экран оказался перед глазами и заставил меня прищуриться от яркого света.

01:13.

«Доченька #».

Сон пропал сразу.

Я резко сел и принял вызов.

— Да, зайка?

Несколько секунд в трубке слышалось только тихое шуршание и сбивчивое дыхание.

— Алло? Алиса?

— Папочка... пап... папочка...

Она плакала и явно старалась делать это как можно тише.

— Что случилось, Алиса?

— Забери меня отсюда... пожалуйста... Я больше не хо-

чу...

— Что такое? Тебя кто-то обидел? Рядом есть кто-нибудь из взрослых?

Алиса всхлипнула. Связь затрещала, и часть её ответа утонула в помехах.

— Они сказали, что ночью нужно притворяться спящей...

— Кто сказал? Алиса, где ты сейчас? Молчание. Я уже хотел позвать её снова, когда на том конце раздался протяжный скрип. Будто где-то рядом с ней медленно открывали дверь.

— Даже если кто-то зовёт по имени... — прошептала Алиса.

Следом послышался чужой взрослый голос. Я не разобрал ни слова.

— Алиса?

Она закричала.

Крик сразу захлебнулся помехами, а через секунду связь оборвалась. В трубке пошли короткие гудки.

— Чёрт...

Я ещё несколько секунд сидел с телефоном возле уха, зачем-то продолжая слушать короткие гудки. Потом опустил его и посмотрел на экран.

Вызов завершён.

Несколько секунд я просидел неподвижно, а затем резко поднялся с кровати. Ждать второго звонка я не собирался.

Я снова набрал номер Алисы. Пошли длинные гудки.

— Давай, зайка... возьми трубку.

Она не отвечала. Через несколько секунд гудки оборвались, и вместо них прозвучал автоматический женский голос:

— Аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия сети.

Я убрал телефон от уха и посмотрел на экран. Ещё минуту назад Алиса сама звонила мне.

Я набрал номер «Солоницы». Трубку сняли почти сразу.

— «Солоница», дежурная Попова Дарья, слушаю вас.

— Послушайте, мне только что звонила дочь. Она плакала, просила забрать её, потом закричала, и связь оборвалась.

— Как зовут вашу дочь?

— Алиса. Алиса Вербер.

На том конце что-то защёлкало, будто дежурная печатала на клавиатуре.

— Скорее всего, произошла какая-то ошибка, — сказала она спустя несколько секунд. — Все дети сейчас спят. На территории всё спокойно.

— Какая ещё ошибка? Я голос собственной дочери не узнаю? Она просила меня приехать!

— Я понимаю ваше беспокойство, но оснований для него сейчас нет.

— Тогда сходите и проверьте её.

— Александр, ваша дочь находится под присмотром. Вам не о чем беспокоиться.

Я уже хотел ответить, но только спустя секунду до меня

дошло, как она ко мне обратилась.

— Подождите... Откуда вы знаете моё имя?

Ответа не последовало.

— Алло?

Я посмотрел на экран. Звонок всё ещё шёл.

— Вы меня слышите? Откуда вы знаете, как меня зовут?

Несколько секунд дежурная продолжала молчать. Затем в трубке раздались короткие гудки.

Я быстро оделся, сунул телефон в карман и уже собирался выходить, когда остановился возле шкафа. После звонка Алисы оставлять ПМ дома мне уже не хотелось, поэтому я открыл нижнюю дверцу, достал небольшой металлический сейф и взял ключ, лежавший там же, где и всегда.

Внутри находился ПМ в тёмной кабуре. Несколько секунд я смотрел на него, всё ещё сомневаясь, не перегибаю ли окончательно, но потом расстегнул застёжку и вынул пистолет. Кабуру оставил в сейфе, а ПМ убрал во внутренний карман куртки. Следом достал из шкафа фонарик и только после этого вернулся в прихожую.

До «Солоницы» было около часа дороги. Я ещё раз проверил карманы, убедившись, что телефон и ключи на месте, выключил свет и вышел из квартиры.

В подъезде было тихо. Я быстро спустился по лестнице, стараясь не думать о том, что могло происходить с Алисой за то время, пока я сидел дома и пытался ей дозвониться.

На улице моросил мелкий дождь. Двор почти полностью

погрузился в темноту, только несколько фонарей отражались в мокром асфальте. Я быстро дошёл до машины и сел за руль. Положил фонарик на пассажирское сиденье и достал телефон. Новых звонков и сообщений не было. Несколько секунд я ещё смотрел на экран, будто Алиса могла позвонить именно сейчас, а затем убрал телефон и вставил ключ в замок зажигания.

Двигатель завёлся с первого раза и я выехал со двора.

Глава II

Минут через десять город окончательно остался позади. Последние фонари исчезли в зеркале, а дорога ушла между лесом, освещённая теперь только светом фар. За это время дождь успел заметно усилиться и теперь уже всю бил по лобовому стеклу, заставляя дворники работать почти без остановки.

Навигатор показывал чуть меньше часа до «Солоницы». Я прибавил скорость, насколько позволяла мокрая дорога, и старался смотреть только вперёд, хотя время от времени всё равно косился на телефон, лежавший рядом. Алиса больше не звонила.

Чем дальше я отъезжал от Котласа, тем хуже становилась связь. Сначала исчезла одна полоска сети, потом вторая, а минут через двадцать телефон вообще перестал её ловить. Я несколько раз разблокировал экран, надеясь увидеть пропущенный звонок или хотя бы сообщение от Алисы, но там по-прежнему ничего не было.

Дорога всё глубже уходила в лес. В свете фар по обе стороны мелькали мокрые стволы, редкие дорожные знаки и блестящая от воды обочина. Дождь уже лил стеной, местами на асфальте собирались длинные тёмные лужи, и колёса с шумом разрезали воду.

Через несколько минут дорога пошла под небольшой

уклон, а над асфальтом начала стелиться лёгкая дымка. Сначала она появлялась только у обочины, потом стала перебегать через дорогу отдельными полосами, подсвечиваясь в свете фар. Я проехал ещё несколько сотен метров, и тумана вокруг постепенно становилось больше.

Туман постепенно становился плотнее, хотя дорогу всё ещё было хорошо видно в свете фар. Он стелился над асфальтом тонкими полосами, временами полностью скрывая обочину, а затем снова расползался между деревьями.

Навигатор несколько раз мигнул, на секунду потерял маршрут, но почти сразу восстановил его. До «Солоницы» оставалось чуть больше получаса, когда женский голос неожиданно произнёс:

— Через двести метров поверните направо. Я быстро посмотрел на экран, а затем перевёл взгляд на правую сторону дороги. Никакого поворота там не было — только мокрая обочина и лес.

— Куда, мать твою?..

Я снова посмотрел вперёд и сразу ударил по тормозам. Прямо посреди моей полосы стоял женский силуэт.

Я силой прижал педаль тормоза и колёса почти сразу пошли юзом по мокрому асфальту. Я сильнее вдавил педаль тормоза и обеими руками вцепился в руль, но расстояние между машиной и женщиной продолжало быстро сокращаться. Она стояла прямо посреди полосы и даже не пыталась отойти. В свете фар я успел разглядеть только светлую

одежду, мокрые волосы и бледное лицо, обращённое в мою сторону. Кто она и какого чёрта делала одна ночью на этой дороге, я даже подумать не успел.

— Блядь!

В последний момент я резко вывернул руль влево. Машину тут же понесло боком, задние колёса сорвались с дороги, а через секунду правой стороной я уже летел по обочине. Попытался выровнять руль, но было поздно: перед глазами мелькнули деревья, меня резко дёрнуло ремнём назад, и машину с оглушительным ударом бросило набок.

Дальше я уже ничего не видел.

В сознание меня привёл дождь, барабанивший по искореженному кузову машины. Несколько секунд я сидел неподвижно, пытаюсь понять, где нахожусь, пока боль постепенно не начала возвращать произошедшее кусками: дорога, нелепая команда навигатора, женский силуэт перед фарами и руль, который я резко вывернул в сторону.

Голова гудела, левый бок отзывался болью при каждом движении. Лобовое стекло покрылось трещинами, одна из фар ещё горела и освещала мокрые деревья впереди, двигатель заглох. Я провёл ладонью по лицу, нащупал возле виска кровь и только тогда окончательно понял, что авария была далеко не лёгкой.

Первым делом я посмотрел через разбитое стекло на дорогу. Женщины там уже не было. Я попытался разглядеть её у обочины, потом между деревьями, но в свете оставшейся

фары двигался только дождь.

— Эй! — крикнул я, сам не зная, рассчитываю ли услышать ответ.

Никто не отозвался.

Я расстегнул ремень и потянулся за телефоном, который после удара свалился под пассажирское сиденье. Экран оказался треснут, но всё ещё работал. Сети не было.

Где-то далеко в лесу протяжно завывало животное.

Я убрал телефон в карман, нашёл на полу фонарик и толкнул водительскую дверь плечом. Она застряла после удара, поэтому открыть её получилось только со второго раза. Выбравшись наружу, я сразу опёрся ладонью о мокрый кузов: ноги держали плохо, а боль в боку стала заметно сильнее. Несколько секунд я просто стоял под дождём, приходя в себя, после чего снова посмотрел в сторону дороги.

Женщины нигде не было.

Я всё-таки решил осмотреть машину перед тем, как уходить. Передняя часть была сильно смята, правое крыло почти легло на колесо, а разбитое зеркало держалось всего на нескольких проводах. Судя по глубоким следам в грязи, машину протащило по обочине несколько метров, прежде чем она окончательно остановилась.

Придерживаясь рукой за кузов, я вышел обратно к дороге и посветил фонариком по мокрому асфальту. Следы шин начинались почти от середины полосы и резко уходили в сторону, но больше там ничего не было. Ни женщины, ни ка-

ких-либо признаков того, что я всё-таки успел её задеть.

Я прошёл ещё немного назад, внимательно осматривая обочину и пространство между ближайшими деревьями. Дождь быстро заливал всё вокруг, и спустя несколько минут я уже сам перестал понимать, что именно пытаюсь найти.

Из леса снова донёсся протяжный вой, на этот раз заметно ближе. Я остановился, направил туда фонарик и несколько секунд водил лучом между мокрыми стволами, но ничего не увидел.

Оставаться возле машины дальше не имело смысла.

Я пошёл вдоль дороги, стараясь держаться ближе к обочине. После аварии тело слушалось плохо: в боку тянуло, голова гудела, а мокрая одежда быстро липла к коже и мешала двигаться. Машина осталась позади, и через несколько минут от неё в тумане было видно только слабое мигание фары.

Фонарик светил хуже, чем раньше. Луч дрожал в дождевой пелене, выхватывал мокрый асфальт, редкую разметку и край леса, который почти сразу обрывался в темноту. Я несколько раз оглядывался, но кроме пустой дороги за спиной ничего не видел.

Вой из леса повторился, теперь уже с другой стороны. Я остановился, поднял фонарик и поводил им между деревьями, но свет упирался только в стволы, дождь и туман. Где-то там что-то двигалось или мне просто казалось, что двигалось, разобрать было невозможно.

Я заставил себя идти дальше.

За поворотом впереди проступил слабый жёлтый свет. Сначала я принял его за ещё одну фару или отражение на мокрой дороге, но пятно не двигалось и постепенно становилось ровнее. Через несколько шагов я различил прямоугольник окна и низкий навес над площадкой. У трассы стояла заправка.

Глава III

Я подошёл ближе и остановился у края площадки. Заправка выглядела старой: низкий навес над двумя колонками, облупившаяся краска, потемневшие шланги и вывеска, в которой горели только несколько букв. Дождь стекал с крыши ровными нитями, собирался в лужах у колонок и расползался по асфальту мутным жёлтым светом из окна.

За стеклом было пусто, но внутри явно горела лампа. Я посмотрел назад, туда, где за поворотом осталась разбитая машина, и не увидел ничего, кроме дороги, тумана и леса. Возвращаться всё равно было некуда. Из-за двери доносилась тихая музыка. Старая, почти утонувшая в помехах, будто где-то внутри работал маленький радиоприёмник. Я поднялся на площадку под навесом, прошёл мимо колонок и взялся за ручку.

Дверь была закрыта, но не заперта.

Дверь открылась тяжело и протяжно скрипнула, когда я потянул её на себя. Внутри оказалось тесно: несколько пыльных полок, старые холодильники с мутными стёклами, стойка у дальней стены и маленькое радио где-то за кассой. Музыка играла тихо, с помехами, будто сигнал еле держался.

Я вошёл, оставив за спиной шум дождя, и не сразу заметил человека за стойкой. Старик сидел низко, почти скрытый тенью от верхней полки. Седая голова была опущена, тонкие

руки лежали перед ним на столе, и сначала мне показалось, что он спит.

— Слушайте, мне нужна помощь, — сказал я. — У меня была авария на трассе. Телефон не ловит сеть. Мне нужно позвонить.

Старик не шевельнулся.

— Вы меня слышите?

Он поднял голову не сразу. Глаза у него были мутные, водянистые, но смотрел он точно на меня, будто всё это время прекрасно видел, как я вошёл.

— Дочку ищешь?

Я застыл.

— Что?

Старик не повторил. Только медленно перевёл взгляд ниже, к моей куртке, туда, где во внутреннем кармане лежал ПМ.

Я невольно убрал руку от груди.

— Откуда вы знаете про дочь?

Он снова посмотрел мне в лицо.

— Все сначала про неё спрашивают.

— Кто все?

Старик молчал. Радио за его спиной коротко хрипнуло, музыка на секунду провалилась в сухой треск и вернулась обратно.

Я подошёл ближе к стойке, чувствуя, как боль в боку снова становится острее.

— Послушайте меня внимательно. Моя дочь в «Солонице». Она звонила мне этой ночью, плакала, просила забрать её, а потом связь оборвалась. Если вы что-то знаете, говорите сразу.

Старик смотрел на меня долго и неподвижно.

— Один уже спрашивал.

— Кто?

— Такой же мокрый пришёл. Весь в грязи. Глаза злые, а сам еле стоит.

Я сжал пальцы на краю стойки.

— Когда?

— Здесь с временем плохо.

— Он был похож на меня?

Старик снова посмотрел на мой внутренний карман.

— Все сначала похожи.

— Да что вы несёте...

Он едва заметно качнул головой.

— С железом туда легче не становится.

Я хотел спросить, откуда он знает про ПМ, но старик уже поднялся. Медленно, тяжело, не глядя на меня, он потянулся к стене за кассой, сорвал оттуда пожелтевший листок и бросил его на стойку.

Я наклонился ближе. Это была старая схема дороги. Выцветшая, местами почти стёртая, с кривыми линиями, уходящими от заправки дальше в лес. Внизу крупными буквами темнела надпись:

«СОЛОНИЦА».

Старик ткнул в неё грязным ногтем.

— Дальше всё равно туда.

Я не стал сразу брать листок. Несколько секунд я смотрел на выцветшую схему, потом снова поднял взгляд на старика.

— Что значит «всё равно туда»?

Старик стоял за кассой, слегка согнувшись, будто подниматься до конца ему было тяжело. Он не смотрел на листок. Только на меня.

— Кто услышал, тот уже идёт.

— Услышал что?

Он медленно повернул голову к радио. Музыка почти исчезла, остался один сухой треск.

— Сначала голос. Потом дорога. Потом кто-нибудь на дороге.

Я сжал пальцы на краю стойки.

— Женщина, которая стояла перед машиной... Она была настоящая?

Старик посмотрел на меня чуть внимательнее.

— Для тебя — да.

— Что значит «для меня»?

Он не ответил.

Я почувствовал, как злость снова поднимается внутри, горячая и почти спасительная.

— Вы можете хоть на один вопрос ответить нормально?

— Нормально здесь редко помогает.

— Вы кто такой?

Старик едва заметно усмехнулся.

— Не с этого начинают.

— А с чего?

— Как выйти.

Я посмотрел на листок, потом снова на него.

— Тот, кто приходил до меня. Куда он делся?

— Дальше пошёл.

— До «Солоницы» дошёл?

— Все доходят.

— И что потом?

Старик молчал так долго, что я уже решил, будто он снова перестал меня слышать. Радио за его спиной щёлкнуло, и среди помех на секунду прорезался короткий детский смешок.

Я резко повернул голову к приёмнику.

— Что это было?

— Не отвечай, если позовёт не она.

Я медленно посмотрел на старика.

— Что? Он ткнул пальцем в листок.

— И железо своё зря не буди. Там, куда ты идёшь, оно только делает вид, что помогает.

— Вы слишком много знаете для человека, который просто сидит тут ночью.

— А ты слишком мало знаешь для человека, который уже взял с собой смерть.

Я открыл рот, но так и не ответил. Боль в боку снова дала о себе знать, мокрая одежда липла к телу, а старик смотрел так спокойно, будто видел меня не впервые.

— Мне нужна дочь, — сказал я наконец. — Всё остальное меня не интересует.

Он кивнул, будто именно этого и ждал.

— Всех сначала только это и интересует.

— Хватит говорить так, будто вы уже знаете, чем всё закончится.

Старик подвинул листок ближе ко мне.

— Я не знаю, чем закончится. Я знаю, с чего начинается.

За дверью шумел дождь. Радио снова играло почти нормально, будто никакого смеха в помехах только что не было.

— Бери, — сказал старик. — Пока помнишь, зачем пришёл.

Я взял листок со стойки. Бумага оказалась сухой, почти тёплой, будто всё это время лежала не на стене старой заправки, а где-то в ящике, куда не добирались ни сырость, ни пыль. Я посмотрел на старика, но тот уже снова сидел за каской и молчал.

На схеме была отмечена заправка, дорога через лес и несколько корпусов в стороне от трассы. Линии выцвели, местами почти стёрлись, но общий маршрут всё ещё читался. Внизу крупными буквами было напечатано:

«СОЛОНИЦА».

Я провёл пальцем по сгибу и заметил, что с обратной сто-

роны что-то просвечивает. Перевернул листок к свету. На обороте неровным детским почерком было написано:

«Папа не слушал».

Я несколько секунд смотрел на эти три слова, чувствуя, как пальцы сильнее сжимают край бумаги.

— Кто это написал?

Старик не ответил.

Радио за его спиной хрипнуло, музыка провалилась в помехи, и мне на мгновение показалось, что среди треска прозвучал детский голос.

Я резко поднял голову.

— Это Алиса?

Старик смотрел мимо меня, в тёмное окно. Я снова посмотрел на листок. Теперь его уже не получалось воспринимать как обычную схему дороги.

Я всё-таки не убрал листок сразу. Сначала хотел просто сложить его и выйти, но взгляд зацепился за маленькие отметки на дороге. Они были нарисованы уже поверх старой схемы — неровно, с сильным нажимом, будто кто-то добавлял их позже и очень торопился.

Первая стояла у низины, где начался туман. Вторая — дальше, на участке, где навигатор предложил свернуть направо. Третья была почти посреди дороги, и рядом с ней детской рукой было выведено одно короткое слово:

«Стояла».

Я провёл по нему пальцем и сразу вспомнил женский си-

луэт в свете фар. Светлую одежду. Мокрые волосы. Лицо, которое я так и не успел разглядеть.

— Что это? — спросил я.

Старик не ответил сразу. Только посмотрел в окно, за которым дождь стекал по стеклу тёмными полосами.

— Некоторые места помнят лучше людей.

— Мне не нужны загадки.

— Тогда не смотри.

Я сжал зубы и снова опустил взгляд на листок. У ворот «Солоницы» был нарисован ещё один знак. Не кружок, а маленький прямоугольник с двумя кривыми колёсами. Машина. Детская, почти смешная, если бы от неё внутри не стало так неприятно.

— Там машина? — спросил я.

Старик молчал.

— У ворот?

Он чуть заметно повёл плечом.

— У ворот часто что-нибудь ждёт.

— Что значит «что-нибудь»?

— То, во что легче поверить.

Я посмотрел на него, но старик снова опустил глаза, будто сказал больше, чем собирался.

Радио у стойки щёлкнуло. Среди помех на секунду проступил детский шёпот, но слов я не разобрал. Я перевернул листок. Надпись на обороте никуда не исчезла.

«Папа не слушал».

Я сложил листок не сразу. Ещё несколько секунд держал его в руках, чувствуя, как бумага чуть дрожит между пальцами.

Старик проводил это движение мутным взглядом.

— Дальше дорога сама покажет.

— А если я не туда пойду?

Он долго молчал.

— Туда ты всё равно дойдёшь, — наконец сказал старик.

— Вопрос только, кем.

Я убрал листок во внутренний карман и повернулся к выходу.

— Александр, — сказал старик.

Я остановился у двери. Он произнёс моё имя спокойно, будто всё это время просто ждал, когда оно понадобится.

— Что ещё?

Старик сидел за кассой, положив руки на стойку. Его мутные глаза смотрели уже не на меня, а в окно, за которым дождь стекал по стеклу тёмными полосами.

— У ворот первым всегда ждёт удобное.

Я нахмурился.

— Что?

— Удобному верят быстрее всего.

Радио за его спиной коротко хрипнуло, и среди помех на секунду мелькнул детский смешок.

— Вы про машину? — спросил я.

Старик опустил взгляд на стойку и больше не ответил.

Несколько секунд я стоял на месте, чувствуя, как злость снова поднимается внутри. Хотелось вернуться к стойке и заставить его говорить нормально, но сил на это уже не осталось. Он всё равно сказал бы ровно столько, сколько хотел.

Я толкнул дверь плечом и вышел наружу. Холодный дождь сразу ударил в лицо. После душного тепла заправки воздух показался почти резким: он пробирался под воротник, остужал мокрую одежду и быстро возвращал боль в боку.

Я включил фонарик и сделал несколько шагов от крыльца, но почти сразу оглянулся. Заправка стояла на месте: старый навес, две колонки, мутное окно. Только внутри стало темнее. Я прищурился, пытаюсь разглядеть старика за стойкой, но стекло отражало дождь, мою фигуру и слабый луч фонаря.

Потом окно стало чёрным. Я стоял и смотрел на него, пока не понял, что больше не слышу радио. Только дождь, лес и дорога впереди.

Глава IV

Я достал из кармана старую схему. От заправки линия дороги уходила в лес. Дальше на ней было только одно слово. «СОЛОНИЦА».

Я свернул с трассы на узкую песчаную дорогу, уходившую между деревьями. После дождя её размыло: под ногами хлюпала мокрая грязь, в колеях стояла вода, а местами песок проседал так, что приходилось идти ближе к траве у края. Фонарик выхватывал передо мной размытую полосу дороги, корни у обочины и низкие ветки, которые местами свисали так близко, что приходилось наклонять голову.

Через несколько минут за спиной окончательно пропала заправка. Я остановился и посветил назад, но луч упёрся в дождь, туман и мокрые деревья. Дорога, по которой я пришёл, уже скрылась за поворотом.

Где-то в лесу хрустнула ветка. Я поднял фонарик и поводил лучом между стволами. Ничего. Только тёмные деревья, блестящие от воды, и редкий туман у самой земли.

Я пошёл дальше.

Хруст повторился уже с другой стороны. На этот раз я не стал останавливаться. Просто крепче сжал фонарик и прибавил шаг, стараясь не смотреть в лес дальше, чем нужно. После аварии, старика и карты любое движение в темноте казалось не случайным. Дорога постепенно пошла вверх, затем

выровнялась, и впереди между деревьями появился просвет. Сначала я различил два тёмных столба, потом ржавую перекладину над ними, затем створки, раскрытые внутрь.

Ворота «Солоницы» стояли открытыми.

Я остановился перед воротами. Они были высокими, ржавыми, с тяжёлыми створками, раскрытыми внутрь. Над въездом держалась старая металлическая табличка, почти полностью покрытая грязью. Я поднял фонарик выше и всё-таки разобрал проступившие под ржавчиной буквы.

«СОЛОНИЦА».

За воротами начиналась территория. Песчаная дорога уходила дальше между деревьями, потом терялась в темноте. Ни света в окнах, ни голосов, ни движения. Только дождь, шуршание веток и мокрый скрип створки, которую время от времени задевал ветер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.